

Новый Ургал. Памятник военным строителям, построившим восточный участок БАМа

Этюды экономического оптимизма во времена застоя

Времена застоя в брежневский период в СССР (1970–1985 гг.) и в современной России (2010–2011 гг. и последующие годы)

Понятие «застой» употребляется не в прямом смысле и не означает депрессию, стагнацию, нулевой рост. Впервые временем застоя стал называться период, связанный с правлением Л.И. Брежне-

ва. При этом не весь период, когда Брежнев был Генеральным секретарем КПСС, относился ко временам застоя, а только последние 10–15 лет его правления, когда партийное руководство фактически свело на нет позитивные последствия решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС по развитию экономики сельского хозяйства и сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, положившего

начало косыгинской экономической реформе промышленности.

Благодаря прогрессивным для того времени решениям пленумов ЦК КПСС в 1965 г., направленным на расширение экономических прав предприятий, колхозов и совхозов, развитие товарно-денежных отношений, поощрение инициативы хозяйственных руководителей, усиление материальных стимулов к труду, удалось в годы VIII пятилетки (1966–1970 гг.) удвоить темпы экономического развития. Это было сделано, прежде всего, за счет повышения производительности труда, лучшего использования основных производственных фондов и материальных ресурсов. Ускорение экономического развития было связано, таким образом, с интенсификацией общественного производства, а не с дополнительным привлечением ресурсов.

На основе ускорения экономического развития удалось удвоить темпы роста, реальные доходы на душу населения, увеличить объемы жилищного строительства, вплотную подойти к самым развитым странам по показателям продолжительности жизни и качеству здравоохранения, опередить большинство из них по качеству образования.

Экономическая самостоятельность хозяйственных руководителей, полученная благодаря реформам в сельском хозяйстве и промышленности, ограничивала засилье партийного руководства и была встречена в штыки всеми звеньями партии снизу доверху, которые добивались полного и беспрекословного контроля партийных организаций над всеми видами деятельности. Популярность А.Н. Косыгина как основателя и руководителя экономической реформы в промышленности, естественно, пришлась не по нутру Л.И. Брежневу и его окружению. Поэтому мероприятия реформы стали саботироваться,

Аганбегян Абел Гезевич — заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, академик РАН.

искажаться. Задуманная А.Н. Косыгиным экономическая реформа, как реформа всего народного хозяйства, была ограничена только промышленностью. Причем ряд ключевых сторон этой реформы и, прежде всего, либерализация централизованного материально-технического снабжения, переход на оптовую торговлю средствами производства так и не были осуществлены.

материальных ресурсов снизились более значительно. И поэтому прирост интегрального показателя эффективности общественного производства сократился в 3 раза — с 18% в VIII пятилетке до 6% в IX. Соответственно, значительно упал и прирост реальных доходов населения. Заметно ухудшилось его обеспечение продовольственными и промышленными товарами. Вырос дефицит

брежневский застой, начавшийся в IX пятилетке, усилился в X и особенно в XI пятилетке.

Я здесь использую официальные данные ЦСУ СССР. Некоторые ученые-экономисты на основе подробной статистики натуральных показателей подвергли сомнению официальные статистические показатели динамики экономического и социального развития. Они пришли к выводу, что в последние четыре года правления уже дряхлого Л.И. Брежнева экономический и социальный рост практически остановился. В 1979–1982 гг. производство 40% видов промышленной продукции, исчисленное по сотням ее видов в натуральном выражении, сократилось. Сельское хозяйство тоже деградировало. Все эти годы оно не могло достичь по основным показателям уровня 1978 г. Еще больше сократился ввод в действие производственных мощностей. Прекратился рост производительности труда, снижалась эффективность капиталовложений, усилилось падение фондоотдачи. Все эти 10–15 лет брежневского застоя, продолжавшегося и после его смерти, вплоть до начала провозглашенной М.С. Горбачевым перестройки, в народном хозяйстве не проводилось никаких экономических реформ.

Я понимаю, что исторические аналогии и параллели опасны, поскольку коренным образом меняются условия развития. И все же рискну назвать послекризисный период развития новой Рос-

Рискну назвать послекризисный период развития новой России — 2010–2011 гг. и ряд последующих лет — новыми временами застоя.

Под предлогом борьбы с ускоренным ростом заработной платы вернулись к директивному планированию заработной платы, производительности труда вместо того, чтобы пойти по пути изменения нормативов формирования зарплат, что позволило бы продолжить эту реформу. Возможности хозяйственных руководителей уже с начала 1970-х годов стали ограничиваться, и страна вернулась к методам административного управления с помощью прямых детализированных директивных показателей, подкрепленных централизованной материально-технической системой снабжения. Все это подорвало у трудовых коллективов инициативу материального стимулирования, и темпы социально-экономического развития резко снизились (см. таблицу).

Как видно, общие темпы экономического развития снизились в IX пятилетке по сравнению с VIII пятилеткой примерно в 1,5 раза. Также в 1,5 раза сократился прирост производительности общественного труда. Так что снижение темпов было связано с этим сокращением эффективности использования рабочей силы. Фондоотдача и эффективность использования ма-

в розничной торговле, усилились разные формы прямого распределения продовольственных и промышленных товаров через ведомственные буфеты, магазины, закрытые распределители и т.п.

В годы IX пятилетки усиление мелочного контроля партийных органов над экономикой и отсутствие каких-либо реформ закономерно привели к дальнейшему значительному снижению темпов социально-экономического развития. Прирост национального дохода — основного результирующего показателя экономического и социального развития страны — снизился с 41% в VIII пятилетке до 28% в IX пятилетке, 21% в X пятилетке (1976–1980 гг.) и 16,5% в XI пятилетке (1981–1985 гг.). Не знаю, можно ли так выразиться, но

Динамика социально-экономических показателей в годы VIII пятилетки (1966–1970 гг.) и IX пятилетки (1971–1975 гг.)

Показатель	Прирост в % за пять лет	
	VIII пятилетка	IX пятилетка
Национальный доход	41	28
Промышленность	58	32
Сельское хозяйство	21	13
Интегральный показатель объема ресурсов (рабочей силы, основных фондов, сырья и материалов)	19	21
Интегральный показатель эффективности общественного производства	18	6

сии — 2010–2011 гг. и ряд последующих лет — новыми временами застоя.

Аналогия с брежневским застоєм очевидна. В докризисный период в течение десяти лет (1999–2008 гг.) в России наблюдался экономический подъем со среднегодовыми темпами прироста валового внутреннего продукта в размере 6,6%, инвестиций — 11, реальных доходов населения — около 10%. Правда, в отличие от подъема VIII пятилетки этот ускоренный рост не был, к сожалению, связан с экономическими реформами, хотя централизованное управление и регули-

инвестиций — с 11 до 4–6%, реальных доходов — с 9–10 до 2–4%.

Прослеживается прямая аналогия с сокращением темпов экономического развития в 1,5–2 раза в IX–XI пятилетках по сравнению с VIII пятилеткой. Причина перехода новой России в послекризисный период на сниженную траекторию социально-экономического роста заключается в отсутствии сколько-нибудь существенных структурных реформ, в которых нуждается наша страна. Не осуществляется модернизация безнадежно устаревших основных фондов народного хозяйства, нет сдвигов в перестройке отста-

корпоративного, превысившего 530 млрд долл. — 30% всего ВВП, частичный перенос отечественного бизнеса в другие страны, массовое приобретение недвижимости за рубежом состоятельными гражданами России, массовый вывоз семей за рубеж, в том числе направление детей на учебу в зарубежные учебные заведения.

Опросы показывают небывало высокий удельный вес граждан — более 20%, а среди активной части населения — более 30%, которые бы хотели переехать в другие страны на постоянное место жительства. Преобладают пессимистические настроения среди значительной части людей, которые не видят вдохновляющей перспективы. Так было и во времена брежневского застоя. Поэтому я рискую назвать послекризисный период развития России с вялой, низкой для нашей страны динамикой социально-экономического развития временами застоя.

Ничего существенного, что могло бы оказать сильное влияние на социально-экономическое развитие страны, делаться не будет.

рование народного хозяйства после введения «вертикали власти» и ограничения всесилия олигархов, по моему мнению, укрепилось и улучшилось. Примерно наполовину в первые годы подъема он был связан с четырехкратной девальвацией рубля и резким сокращением импорта (рост импортозамещающих производств), а затем, особенно с 2003 г., — с ростом экспортных цен на нефть, газ и сырье.

С четвертого квартала 2008 г. и в течение 2009 г. основные экономические и социальные показатели России в ходе социально-экономического и финансового кризиса значительно снизились: в 2009 г. ВВП сократился на 7,9%, потребление населения — на 8, инвестиции — на 16%.

С 2010 г. начался новый период послекризисного развития и Россия перешла на сниженную траекторию социально-экономического развития. Прирост ВВП сократился с 6,5–7 до примерно 4%,

лой структуры экономики с крепким в топливно-энергетические и сырьевые отрасли при слабом развитии высокотехнологичного сектора экономики. Не осуществляются давно назревшие реформы собственности, конкурентной среды, финансовой системы и банков, регионального управления и многого другого. Здесь, как и в позднюю брежневскую эпоху, наблюдается застой. И тенденции те же: монополия одной партии — «Единой России», имеющей даже конституционное большинство в Думе, огосударствление всех сфер деятельности и чиновничий произвол, сопровождаемый ростом коррупции.

В то же время современная Россия, ее экономическая, социальная система является неизмеримо более открытой в сравнении с советским прошлым, и поэтому застой здесь принимает специфические формы — отток капитала из страны, неконтролируемый рост внешнеэкономического долга, прежде всего,

Пока в послекризисный период мы прожили полтора года. Но благодаря разработкам Минэкономразвития и Министерства финансов мы довольно хорошо представляем себе перспективу до 2014 г. Прогнозируемый этими ведомствами прирост основных показателей экономики и социальной сферы столь же вял и невыразителен, как и в 2010–2011 гг. Прирост валового внутреннего продукта не выходит за рамки 4,5%, инвестиций — 7, реальных доходов — 5% и т.д.

Заметим, что все это происходит на фоне небывалого повышения цен на нефть, газ, другие сырьевые товары, которые дают нашей стране огромную дополнительную выручку, — она в 2011 г. прогнозируется в размере около 80 млрд долл. только от экспорта нефти. Как известно, нефть и нефтепродукты составляют более половины экспорта России, объем которого давно превысил 30-процентный уровень ВВП — крайне высокий для большой страны. Цены

Пустые полки в магазинах СССР

на нефть в 2010 г. выросли с 59 до 78 долл. за баррель, а в 2011 г. поддерживаются в среднем на уровне 100 и выше долларов. Такого прироста экспортной цены на нефть, от которой, как известно, зависит и цена на природный газ, а также другие сырьевые цены, не было даже в годы предкризисного подъема.

Так как в дальнейшем цены на нефть вряд ли будут расти такими же темпами — это практически невозможно — и скорее всего стабилизируются на несколько лет, темпы социально-экономического развития страны могут еще более снизиться.

Хотя наши руководители время от времени высказывают весьма прогрессивные идеи и предложения о модернизации экономики, о переводе ее на инновационный путь развития, однако какой-либо подготовки реальных реформ, например по обновлению устаревшей материально-технической базы народного хозяйства, пока не видно. И до 2014 г. при составлении перспективных планов и перспективных бюджетов какие-либо существенные нововведения, которые могут серьезно ускорить наше развитие, поднять темпы ВВП, не прослеживаются.

Поэтому с большой вероятностью можно предположить, что ничего существенного, что могло бы оказать сильное влияние на социально-экономическое развитие страны, делаться не будет. Старение уже изношенных основных фондов и оборудования продолжится, отсталая структура экономики народного хозяйства и особенно экспорта сохранится, коррупция, разъедающая общество, не сократится, как и произвол чиновников. Не видно серьезных подвижек и в судебной реформе. Почти ничего не делается в части административной реформы. Верховная власть проводит курс на усиление монопольного положения одной партии — «Единой России». Как тут не вспомнить известный афоризм незабвенного В.С. Черномырдина, говорившего: «Какую бы партию мы ни создавали, у нас все равно получается КПСС».

Но даже в такое, можно сказать, безрадостное время застоя большая часть нашего населения, в том числе его активная, работающая часть, свое будущее все-таки связывает с Россией. И очень важно, чтобы у этих людей не опускались руки, чтобы они сохраняли оптимизм, веру в будущее и находили в реальной жизни основания для надежд на будущее. Это меня

и подвигло на написание полупублицистической статьи, в которой я постараюсь ответить на вопрос: как оставаться оптимистом во времена застоя, когда значительная часть населения не верит в будущее страны и видит жизнь в темно-серых тонах?

Как поддерживался оптимизм в период брежневского застоя

Начну с себя — мне повезло. В период брежневского застоя я жил и работал в Сибири, возглавлял Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук, расположенный в новосибирской Академгородке. В Сибири застоя я не ощущал. Все эти годы мы жили, напряженно работая.

По не выясненным до конца причинам из двадцати пяти лет, которые я прожил в Сибири (1961–1985 гг.), двадцать лет меня не выпускали за границу — с 1961 по 1974 г. и с 1978 по 1985 г. Невозможность посетить зарубежные страны я в основном компенсировал длительными частыми поездками по районам Сибири и Дальнего Востока, поскольку наш институт был головным по разработке экономических проблем восточных районов страны. Ежегодно мы проводили примерно два месяца в экспедиции, детально знакомясь с тем или иным крупным регионом и пытаясь совместно с руководителями этих регионов и директорами предприятий наметить возможную программу перспективного развития.

Такие экспедиции были организованы по Оби для изучения Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса страны, по Енисею для определения перспектив развития действующих и создания новых территориально-производственных комплексов Ангара-Енисейского региона, по Лене для рассмотрения развития производительных сил в Якутии, по районам Кузбасса в попыт-

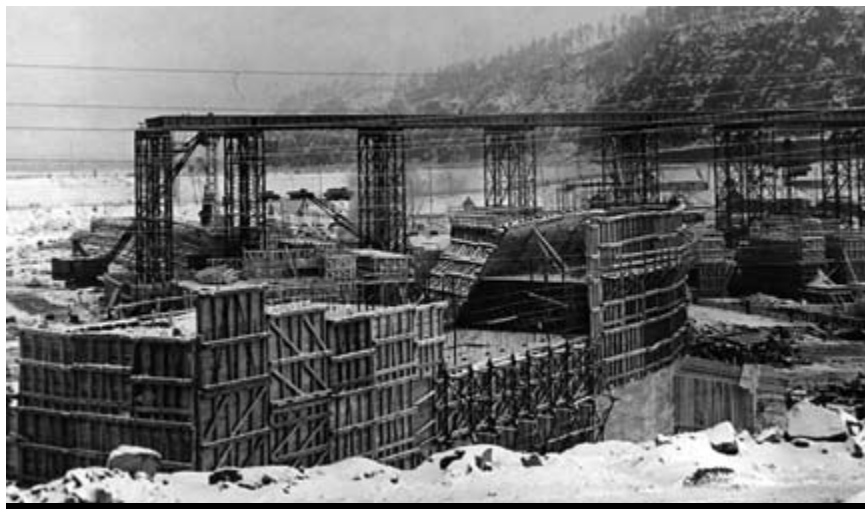
ке определить будущее этого самого развитого индустриального региона Сибири.

Двухмесячную экспедицию мы провели по всему Северному морскому пути по Ледовитому океану — прошли от Архангельска до Чукотки на судах ледокольного класса, обосновав перспективы круглогодичной навигации по Северному морскому пути и освоения богатейших природных ресурсов примыкающих к нему территорий. Всем известно знаменитое изречение Ломоносова о том, что могущество России прирастать будет Сибирью... В конце этого изречения обычно ставят многоточие, потому что полная фраза звучит так: «<...> прирастать будет Сибирью и Северным Ледовитым океаном». Мы пытались с новых позиций рассмотреть эти возможности. Была также организована длительная морская экспедиция по дальневосточным морям с целью сформировать программу освоения обширной дальневосточной территории России, прилегающей к морям Тихого океана. Особое внимание в ходе экспедиций уделялось строительству Байкало-Амурской магистрали и освоению зоны БАМа.

В районах, которые мы посещали в ходе этих экспедиций, никакого застоя в те времена не наблюдалось. Наоборот, многие из упомянутых регионов бурно развивались.

Возьмите, например, формирование крупнейшего в мире Западно-Сибирского нефтегазового комплекса — главной топливно-энергетической базы в прошлом СССР, а сейчас России.

Первый миллион тонн нефти здесь был добыт в 1964 г. А в 1970 г., с которого мы ведем отсчет времени застоя, здесь уже добывался 31 млн т. Небывалый скачок был совершен в IX пятилетке: при плане добычи в 1975 г. 120–125 млн т здесь было добыто 148 млн т. Еще больший при-

Строительство Братской ГЭС

рост был достигнут в X пятилетке — одной из самых вялых и плохих пятилеток в СССР: здесь добыча нефти подскочила со 148 до 310 млн т, хотя по плану было 280–300 млн т. Наконец, в XI пятилетке был достигнут небывалый результат, когда в одном регионе *ежедневно* добывался миллион тонн нефти. Такими темпами не создавалась ни одна нефтяная промышленность ни в одной стране мира. Я уже не говорю о суровых условиях этого региона.

До создания здесь нефтегазовой отрасли этот район фактически был малозаселенным. На территории Западно-Сибирской низменности, где добывается нефть, не было ни одного сколько-нибудь значимого города. В основном это болотистая местность. Чтобы построить что-то капитальное, щебенку приходилось возить за 2 тыс. км, поскольку поверхность обширнейшей Западно-Сибирской провинции сложалась из осадочных пород. Многие районы Западно-Сибирской низменности затоплялись при весенних разливах Оби и были непригодны для жизни. К тому же здесь преобладает суровейший климат: зимой температура опускается до сорока градусов, дуют сильные ледяные ветры, беспрепятственно гуляющие по этой безлесной равнине.

Конечно, тогда здесь не было ни железных, ни автомобильных дорог, ни электростанций, линий электропередачи, то есть всего того, без чего нельзя начинать нефтедобычу. И все недостающее в небывало короткие сроки было создано. Для организации главной топливно-энергетической базы страны сюда приехали почти 2 млн человек, по большей части из старых нефтяных районов СССР — из Баку и особенно много из Поволжья. Была создана колоссальная система подготовки кадров, способных работать в этих особых районах, в корне отличавшихся от других регионов нефтедобычи. Кроме того, многое осваивалось вахтовым методом, особенно в 1980-е годы, когда из европейских нефтегазовых районов в Сибирь доставлялись на время сотни тысяч рабочих и инженеров.

Была проведена железная дорога из Тобольска в Сургут, Нижневартовск и далее на Север. Возникли многие тысячи километров бетонных автомобильных дорог. На пустом месте были построены десятки городов. В опорных городах — Сургуте и Нижневартовске — проживает почти по 300 тыс. человек, а есть еще группа городов, где проживает 50–100 тыс. человек. Таким образом, была создана опорная сеть для освоения территории.

Страна направила на создание своей главной топливной базы баснословные инвестиции. Ни в одном регионе мира подобный объем инвестиций не осваивался в такое короткое время. Были сформированы крупнейшая в стране строительная база и мобильные стройорганизации с десятками тысяч работников. К примеру, в течение всего периода ежегодно строились газовые трубопроводы диаметром 1220–1420 мм с севера Западной Сибири, где добывался газ, в европейскую часть страны. В среднем каждый трубопровод стоился протяженностью 3 тыс. км. Он форсировал 200 рек, железнодорожных и автомобильных переходов. На нем должны были располагаться десятки станций, которые сжимали газ до 75 атм. и гнали его по трубе. Ничего подобного или даже близкого в мире не было, до сих пор нет и, наверное, никогда не будет, поскольку нигде в мире нет такой концентрации природного газа, которая была обнаружена нашими геологами на севере Западной Сибири. И это тоже героическая страница в освоении западно-сибирского месторождения.

Подчеркну, в отличие от нашего времени все это делалось только собственными силами и за счет собственных средств без какого-либо участия иностранных организаций. Используя машины и оборудование были по большей части произведены в нашей стране.

В новосибирском Академгородке располагалось 20 институтов разных направлений. Президиум Сибирского отделения АН СССР, членом которого я состоял восемнадцать лет, возглавлял выдающийся ученый академик М.А. Лаврентьев. Все были дружны, но особенно близкие отношения у меня сложились с директором Института геологии, самым крупным в нашей стране специалистом по нефти и газу, академиком Андреем Алексеевичем Трофимуком, который к тому же был первым замести-

телем Лаврентьева. Я часто бывал вместе с ним в Западно-Сибирском регионе, где занимался экономическими и социальными проблемами создания главной топливно-энергетической базы страны. Там я познакомился со многими выдающимися людьми — организаторами наших побед в этом деле. Десятки раз я встречался и часами беседовал с первыми секретарями Тюменского обкома КПСС — вначале со Щербиной, а потом с Богомяковым. Конечно, самые теплые отношения у меня сложились с легендарным руководителем «Сибнефтегаза»

Подлинный героизм демонстрировали и создатели Ангаро-Енисейских территориально-производственных комплексов. Взять, например, Братско-Устьилимский территориально-производственный комплекс, где до промышленного освоения этого обширного региона были полукустарные лесозаготовки и примитивное сельское хозяйство, не существовало ни железной дороги, ни приличных автомобильных дорог, ни нормальных городов. В целом на огромной территории этого комплекса проживало около 50 тыс. человек. Все началось со строи-

Рецепт оптимизма довольно прост: надо находить места, где идет настоящая работа, где трудятся люди, увлеченные своим делом, нацеленные на конечные результаты.

В. Муравленко, с первооткрывателями нефтяных и газовых богатств нашей страны Ю.Г. Эрвье и Ф.К. Салмановым, с руководителем газового главка, будущим премьер-министром В.С. Черномырдиным, с главным нефтегазовым строителем Ю. Баталиным, который, пожалуй, первым перешел на крупноблочное строительство в нефтегазовой промышленности, ввел бригадный подряд, осуществил небывалое поточно-скоростное строительство трубопроводов, когда 3000-километровая труба сооружалась за 11 месяцев — рекорд, который никем в мире не превзойден до сих пор. Каждый из этих людей был уникален, и все они были настолько преданы делу, что работали буквально дни и ночи. Смысл их жизни заключался в этом великом деле. Это были не просто энтузиасты и выдающиеся организаторы. Каждый из них был жизнерадостным, оптимистичным, верил в будущее страны. Их увлеченность не могла не захватывать тех, кто с ними общался. Бывая у них, я всегда заряжался оптимизмом.

тельства железной дороги сначала до Братска, а потом и до верховьев Лены. Кстати, эта ветка, продолжившись на Восток, дала начало знаменитому БАМу. Затем началось сооружение знаменитой Братской гидроэлектростанции. Практически на пустом месте, с нуля создавался знаменитый коллектив БратскГЭССтроя — крупнейшей в СССР строительной организации, имевшей огромную стройбазу. Она внесла достойную лепту не только в создание Братско-Устьилимского комплекса, но и в освоение многих других регионов Сибири и даже Дальнего Востока.

Во главе строительства Братской ГЭС стояли уникальнейшие руководители: начальник строительства Иван Иванович Наймушин и главный инженер, выдающийся ученый в области создания гидроэлектростанций, доктор технических наук, профессор А.М. Гиндин. Братская ГЭС — от первого камня до ввода в действие первого агрегата — была построена за четыре с половиной года. Высота ее плотины, перегородившей бурную,

огромную Ангару, составила 120 м. Это циклопическое сооружение производит колоссальное впечатление. Глядя на него, думаешь о мощи человека, такого маленького на фоне созданных его трудом сооружений, на которые ушли миллионы тонн бетона, сотни тысяч тонн металлоконструкций. В результате получилась, пожалуй, самая эффективная гидростанция в мире, которая вырабатывает рекордное для ГЭС количество электроэнергии, поскольку Ангара, вытекающая из Байкала, имеет более или менее равномерный сток. Ни до, ни после никто не строил подобные электростанции за такой короткий срок.

А ведь тогда не было таких уникальных грузовиков, какие выпускают сегодня, таких мощных экскаваторов, такой современной техники. Возник огромный благоустроенный Братск, самый крупный в мире для того времени алюминевый завод с 24-километровыми корпусами и самый крупный в мире лесопромышленный комбинат. Потом были созданы Усть-Илимская ГЭС и Усть-Илимский лесопромышленный комбинат, было освоено огромное месторождение железных руд и построен соответствующий обогатительный комбинат в Железногорске, кстати, городе, где родился знаменитейший ракетный конструктор Янгель и где есть музей его имени. Чтобы совершить это гигантское дело, в Братско-Устьилимский комплекс было привлечено более полумиллиона людей. Там и сейчас проживает 600 тыс. человек.

Так же создавался и Саяно-Шушенский территориальный комплекс с еще более грандиозной Саяно-Шушенской ГЭС, высота плотины которой составила 250 м. Когда с этой плотины смотришь вниз, люди кажутся муравьями. Рядом тоже построен огромный алюминевый завод и несколько крупных машиностроительных предприятий, которые, может быть, и не развились до намеченных масштабов, но все же производят

значительный объем промышленной продукции.

Десятки раз я посещал Братск и был знаком с его руководством, имел друзей среди партийных и советских руководителей — тоже по-своему интересных людей, в прошлом в основном инженеров, строителей гидроэлектростанций. Нельзя было не заразиться их энтузиазмом. Ведь этот нефтегазовый комплекс, как и Западно-Сибирский, во многом создавал-

Именно в годы застоя я убедился, как много в нашей стране талантливых людей, выдающихся организаторов, инженеров, строителей, которым все по плечу.

ся силами молодежи, которая по призыву, по велению сердца поехала в эти места. Среди приехавших было немало выпускников лучших московских и ленинградских вузов. Огромное впечатление на меня произвели комсомольские вожаки того времени, которые занимались привлечением молодежи, организацией дополнительного обучения, вдохновляли людей на героический труд. Тюменскую комсомольскую организацию в то время возглавлял Геннадий Шмаль, который сегодня является руководителем Союза нефтяников.

Третий пример — строительство Байкало-Амурской магистрали.

В Академии наук СССР мне посчастливилось возглавлять Научный совет по БАМу. Он оказывал научное содействие в проектировании и строительстве этой протяженной — 3,5 тыс. км — железной дороги, которая должна была пройти по, наверное, самому трудному маршруту в мире. Помню, мы летели на самолете вдоль будущей трассы с назначенным несколько недель назад руководителем строительства

БАМа Константином Владимировичем Мохортовым. Это был уже пожилой человек, повидавший многое на своем веку, очень уверенный в себе, излагавший свои мысли выразительным баритоном. Глядя в окошко самолета, Константин Владимирович уверенно говорил: «Здесь мы пройдем без труда, здесь трудно будет преодолеть реку Витим, которую писатель Лесков называл Угрюм-рекой. Мы сделаем мост, и дорога пересечет ее. А дальше горный

хребет. Вряд ли кто-нибудь строил железные дороги в таких местах, мы взорвем горную породу, сделаем полку и, думаю, осилим и этот путь». А потом он вдруг закричал летчику: «Слушайте, куда вы летите? Я же просил по трассе!» Мы побежали в кабину, а летчик говорит: «Я лечу точно по трассе». Константин Владимирович воскликнул: «Строить здесь железную дорогу — это безумие! Не представляю, как мы здесь будем работать».

Самые сложные участки БАМа проходят по вечной мерзлоте и по сейсмоопасной зоне. Чтобы пройти через главный хребет, пришлось построить 18-километровый Северо-Муйский тоннель в небывало сложных условиях. Но и этот тоннель мы построили. Члены совета постановили каждый раз проходить тоннель пешком до забоя, а когда тоннель построят, пройти его целиком. Поскольку с восточной стороны он был обводнен, нам приходилось надевать резиновые костюмы, чтобы дойти до забоя.

Станции на БАМе, как известно, строили вахтенным мето-

дом строители — посланцы отдельных республик и регионов России. Здесь тоже в основном работала молодежь. К тому времени, когда я вплотную занялся БАМом, я уже объездил Сибирь и Дальний Восток и видел, как в небывало короткие сроки в труднейших условиях на незаселенных территориях люди создавали города, железные дороги, крупнейшие предприятия, осваивали новые месторождения. Но, честно говоря, когда я познакомился с документацией по строительству БАМа и узнал, что руководить им будет уже немолодой человек, которому вряд ли при жизни удастся увидеть завершение строительства, меня взяло сомнение — можно ли в такие сроки построить столь протяженную дорогу, тем более что в СССР в то время никаких крупных железных дорог не строили и больших стройорганизаций надлежащего класса не было.

Западную часть БАМа строил Минтранс, а восточную часть — железнодорожные войска. Так что в процессе работы нам приходилось взаимодействовать и с гражданскими, и с военными строителями. Дважды в год наш совет организовывал поездку по построенному участку БАМа. Члены совета — геологи, экологи, социологи, инженеры и представители многих других профессий, а также приглашенные гости из разных регионов России — на специально выделенном поезде проезжали по дороге с запада на восток, делая остановки и знакомясь с каждым месторождением в зоне БАМа. Обычно поездка продолжалась неделю. Знакомясь с ходом строительства и лучше узнавая Константина Владимировича Мохортова, я все больше убеждался в том, что и эта великая стройка будет завершена в обозримый срок. Помню, когда я посетовал на то, что в министерстве не нашли никого помоложе, чтобы возглавить БАМ, мой собеседник, профессиональный строитель железных дорог, сказал: «Конечно, в Минтрансе строено много „чертей“, но самый

В поселке строителей БАМа. 1981 г.

продвинутый „черт“, которому по плечу БАМ, — Константин Мохортов. Ты сам в этом убедишься». Так оно и вышло. Мохортов оказался выдающимся организатором, работать с ним было не просто поучительно, но и приятно.

Конечно, видя энтузиазм молодежи в таких великих делах, нельзя не стать оптимистом. Рецепт оптимизма, который я для себя уяснил в те далекие годы, довольно прост: надо находить места, где идет настоящая работа, где трудятся люди, увлеченные своим делом, нацеленные на конечные результаты.

Приезжая в те годы в Москву, я видел размеренную полусонную жизнь, общий пессимизм, неверие в руководство, в своих речах приукрашивавшее действительность, выдвигавшее лозунги, над которыми все смеялись, как смеялись, к примеру, над словами Брежнева: «Мы делаем все для человека и во имя человека». Появился даже анекдот, где за этим лозунгом следовала фраза: «Я даже знаю этого человека». Был и соответствующий анекдот Армянского радио. Когда этому радио задали вопрос, зачем Леониду Ильичу Брежневу потребовалось совмещать долж-

ность Генерального секретаря с должностью Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Армянское радио ответило: «Даже он понял, что на одну зарплату не проживешь». И действительно, в последние годы брежневского периода жить стало сложно. В магазинах отсутствовали товары первой необходимости. Муку, к примеру, выдавали перед праздниками, летом трудно было сварить варенье — не было сахара. Люди забыли такие слова, как говядина, баранина, свинина. Они нуждались в простом мясе, которого практически не было в магазинах, как и многих других продуктов. Питаться приходилось продуктами с рынка. Привилегированная часть общества пользовалась закрытыми распределителями. Естественно, это не добавляло оптимизма.

Купить многое было нельзя, но достать можно, и люди не унывали, поскольку на первом месте у них стояла работа. Именно в годы застоя я убедился, как много в нашей стране талантливых людей, выдающихся организаторов, инженеров, строителей, которым все по плечу.

ПЭС 11123/16.08.2011

Продолжение следует